

О.О. Секиро

Институт лингвистических исследований Российской академии наук (ИЛИ РАН)

ИСТОРИЯ СЛОВА В ФОКУСЕ АВТОРСКОГО ТЕКСТА: ДРОЖЖИ В ПУБЛИЦИСТИКЕ И.С. АКСАКОВА

На фоне широкого исторического контекста семантического развития слова *дрожжи* (древнерусский период – XIX в.) определяются сформировавшиеся в допетровскую эпоху особенности его семантической структуры, которые И.С. Аксаков актуализирует в публицистике.

Русский язык XIX в., историческая стилистика, историческая лексикология, публицистический текст XIX в., И.С. Аксаков, слово *дрожжи*.

Ряд исследователей, характеризуя особенности интеллектуальной деятельности человека в целом, а также языковую и культурную ситуацию той или иной эпохи в русской истории, отмечают характерное для них действие противоположных тенденций и их биполярную структуру ([9, с. 150; 11, с. 38]). Для объективной картины развития словарного состава русского литературного языка XIX в. необходимо изучение словоупотребления авторов, принадлежащих к основным направлениям и формирующих идеологический климат эпохи. И если произведения представителей революционно-демократического направления («западников») по ряду причин, в том числе идеологических, оказались изучены достаточно хорошо (см. исследования Ю.С. Сорокина [15; 16], Ю.А. Бельчикова [1] и др.), то тексты славянофилов, представителей «второй стороны» в общественно-политической дискуссии в России 40–60-х гг., по-прежнему остаются малоисследованными в лингвистическом отношении¹. Среди текстов славянофилов особый интерес в лексико-семантическом отношении представляют публицистические произведения И.С. Аксакова – автора, чья деятельность была направлена на применение теоретических идей, разработанных предшественниками, к решению актуальных общественно-политических вопросов, выведение их в широкий контекст общественной полемики (см.: [2; 18])², поскольку существование текста в широком общественном контексте способствует более интенсивному проявлению языковых особенностей [3, с. 350].

В.В. Колесов полагал, что «с точки зрения развития русской научной рефлексии формирование противоположностей (например, славянофилы versus западники) всего лишь проявление внутренних противоречий собственной, русской философской мысли под стимулирующим влиянием западных идей и методов <...> В России так было всегда, чуть не с XV в.» [9, с. 150]. Теоретические установки славянофилов, такие как идея о самобытном развитии России, концепция

«идеального народного языка», включающего язык фольклора и древнерусских текстов сакрального содержания (см.: [21, с. 27–28]), синтез светской и религиозной культур, формируются под влиянием ряда философских идей немецкой традиции. На славянофильское осмысление исторического процесса повлияли следующие идеи Г. Гегеля: «Возвращение к общему (то есть к единству светского и религиозного начал в допетровской Руси. – О. С.) не есть шаг назад: восстановленное общее это общее, обогащенное отрицанием и ставшее тем самым “действительным”» [2, с. 345–346]. Концептуальную значимость в выражении данной идеи имели слова, которые, с одной стороны, имели общественно-политическую семантику в русском языке XIX в., с другой – употреблялись с древности и имели символические значения, связанные с религиозной сферой. Данные значения могли быть актуализированы И.С. Аксаковым в целях синтеза прошлого и настоящего, светского и религиозного.

Среди них особый интерес и, вместе с тем, трудность для анализа представляют те слова, которые ранее не попадали в поле зрения исследователей. Например, слово *дрожжи*, принадлежащее к праславянскому лексическому фонду [ЭССЯ, вып. 5, с. 128]. В данном исследовании предлагается анализ истории данного слова в аспекте формирования тех особенностей семантики, которые актуализировались в словоупотреблении И.С. Аксакова.

Различные словари современного русского языка фиксируют только прямое терминологическое значение слова («грибки, вызывающие брожение и имеющие применение в производстве вина, хлеба и т.п.» [БАС¹, т. 3, с. 1125], «вещество, вызывающее брожение и состоящее из микроскопических грибков» [Ушаков, т. 1, с. 803], «микроскопические грибки, вызывающие брожение» [БАС², т. 5, с. 388]). Принадлежность слова к праславянскому лексическому фонду указывает на наличие иных значений, кроме прямого³. Слово *дрожжи* обозначало одну из бытовых

¹ См. исследования О.А. Старовойтовой [17], Л.Г. Чапаевой [21].

² Источник: Аксаков И.С. Сочинения: в 7 т. М.: Тип. М.Г. Волчаннова, 1886–1887.

³ Соглашаясь с Б.А. Лариным, Л.С. Ковтун, В.В. Колесовым и др. ([10; 5; 8]), мы разделяем мысль о том, что древнерусский язык не знал «значений» слов, равных значениям слов в современном языке.

реалий и осмыслялось символически⁴, так как для средневековой культуры была характерна «семантизация (или даже символизация) как всей окружающей человека действительности, так и ее частей» [12, с. 402]. Символическое осмысление слова (на ранних этапах его употребления) обуславливает возможность формирования различных переносных значений в Новое время при дифференциации синкреты.

Цель семасиологического исследования – «вскрыть ход развития от синкретических значений древности <...> к специализированной и дифференцированной системе» [5, с. 90]. Материалы ЭССЯ показывают, что слово **дрожжи** на древнейшем этапе имело элементы значения ‘осадок, подонки’, ‘гуща, осевшая в жидкости’ и ‘закваска’, ‘грибки вызывающие брожение’ в различных славянских языках (см.: [ЭССЯ, вып. 5, с. 128]). Значение ‘осадка’ как результат брожения является метонимическим. В дописьменную эпоху в семантическом комплексе совмещались представления о противоположных процессах движения вверх (поднятия теста) и вниз (осадка), что характерно для древних слов [10, с. 87].

Исследователи средневековых текстов полагают, что в Средние века значение слова часто задавалось тем или иным контекстом, восходящим к Священному Писанию (см.: [7]). У рассматриваемого слова это был текст Пс 74: *Губаче **дрожьдья** его не (i)ск[r]ъидашѣ съа; <...> и створитъ з(оспо)дъ саваГдт(ъ) въсьмъ азыкомъ на горъ сеі пиво Гдлтъстіаніемъ. Вино **дрожьдья** [Сл 2006, т. 1, с. 517], **дрожьдья** его не (i)ск[r]ъидашѣ съа [Цейтлин, с. 197].* Этот же контекст обнаруживается в качестве иллюстративного материала в «Материалах» Срезневского по тексту Толковой Псалтири XII в. (см.: [Срезневский, т. 1, с. 725]). Церковная книжность, таким образом, актуализовала значение слова **дрожьдья**, связанное с движением вниз, и негативную оценку, так как в средневековой культуре «понятия нравственной ценности и локального расположения выступают слитно: нравственным понятиям присущ локальный признак, а локальным – нравственный» [13, с. 298]. Согласно толкованию, данному св. Афанасием Великим, одним из отцов церкви, «в руке Господней чаша, в которую как бы выжимает Господь и добрые и худые плоды каждого человека, и смешивая доброе с лукавым, наполняет этим чашу. А потом, у кого **дрожьдья** не изливаются, т. е. грехи пребывают, те и пьют чашу, т. е. те упиются собственными своими худыми делами» [19, с. 292]. **Дрожьдья** приобретает символическое значение ‘неискупленного греха’: на вертикали «верха» и «низа» опадающий на дно мутный осадок символизирует самое «низменное», что есть в человеке. Слово **дрожьдья** в древнерусском языке под влиянием церковнославянского приобрело семантику ‘Божьей кары’, ‘наказания’, например в сочетаниях слова с существительными *гнев*, *ярость*. Данная часть синкреты развилась метонимически на основе значения ‘неискупленного греха’ как его результат (см.: Изборник 1073 г., цит. по: [Срезневский, т. 1, с. 724–

725]; Пчела XIV–XV, цит. по: [Сл XI–XIV, т. 2, с. 84]). В подобных контекстах употреблялась форма **дрожьдья** (**дрожьдья**) как «славянская». Древнерусская **дрожьдья** (**дрожьдья**), имеющая семантику ‘осадка пива, вина’ испытала влияние церковнославянского слова и приобрела символическое измерение, обозначая пьянство как греховную страсть (Там же). В старорусскую эпоху происходит вычленение зон синкреты, обозначающих процесс поднятия теста в бытовых контекстах: *уксус и высевки, и отруби, и гуща всякая, и **дрожьдья**, и хмелины, – то был <о> <бы> у ключника все в мѣрѣ и записано* (Домострой, цит. по: [Сл XI–XVII, вып. 4, с. 359]), *въвалися въ дѣльвѣ и оугрязь въ **дрожьдьяхъ*** (Жит. Власия, цит. по: [Срезневский, т. 1, с. 725]) и др.; вследствие ассоциации с процессом выпекания хлеба слово могло приобретать положительную оценку, обозначая нечто полезное в быту.

При переходе от нерасчлененного мифологического сознания к формирующейся системе понятий формируются условия для употребления слова в контекстах, в которых оно приобретало более специализированный конкретно-исторический смысл, обозначая ошибочный исторический путь того или иного народа: *<...> отеческое откиня, имже отцы наши, уставом, до небес достигоша, да странное богоборство возлюбиха, извратишася. <...> время открывает, яко чаша в руке Господни вина неразтворенна исполнь растворения, и уклони от сию в сия, обаче и **дрожьдья** его не искидашася. Псалмопевец глагола: и **дрожьдья** не кинет даром, но испиют е грешнии земли [Аввакум, с. 298].*

В XVIII в. на основе формирования в семантическом комплексе слова признака ‘движение вниз’ символическое значение ‘греха’, ‘наказания’ развивается в значение «о чем-л. лишнем, скверном, нечистом» [СРЯ XVIII, вып. 7, с. 12], которое реализуется в контекстах широкого круга, в том числе социально-политических (см. сочетаемость **дрожьдья** народа в одной из проповедей Феофана Прокоповича (Там же)). На основе признака ‘движение вверх’ формируется значение ‘о чем-л., возбуждающем к делу, к действию’ (Там же), которое, согласно иллюстративному материалу, более употребительно в контекстах описания физических процессов. Церковнославянское слово и его символическая семантика сохраняют свое влияние на значение русского слова: в лексикографических описаниях языковых фактов XVIII столетия церковнославянское **дрожьдья** не описывается как отдельная лексема (см.: [СРЯ XVIII, вып. 7, с. 12; САР¹, т. 2, с. 757–758]). Символический контекст Пс 74 актуализируется в поэзии: *Вина багряна чаша цельна, Из коей сладки перлы бьют, В его руке всем растворенна; Но **дрожьдья** грешники пьют [Державин, с. 218].*

В XIX в. развитие значения слова **дрожьдья** имеет следующие особенности.

1. В значении, сформировавшемся на основе признака ‘движение вниз’, слово могло быть образным обозначением людей: а) стоящих на низкой ступени социальной иерархии в сословно-имущественном отношении: *Люди счастливые не любят смотреть на дно человеческого общества, где лежат **дрожьдья**, на которых поднимается и вырастает их блаженная участь. Въ дужьдъ бѣдности тускнетъ ал-*

⁴ См. мысль Ю.М. Лотмана о «семантизации (или даже символизации) как всей окружающей человека действительности, так и ее частей» [12, с. 400], свойственной средневековому типу культуры.

мазь, и ржавьёт даже золото [Булгарин, с. 136]; б) занимающих низкое положение с точки зрения той или иной концепции: <...> толпы художников (конечно не столь чистых и непорочных) должно бы было считать за подлую чернь и как бы **дрожжи** человеческого рода <...> которые по закону этаго учения стоят на самомъ низкомъ мѣстѣ! [Москвитянин, 1848, № 3, ч. 2, с. 64]; в) социально пассивных: Вооруженные мужчины и женщины толпами бѣжали изъ предмѣстья и увлекли за собою даже послѣднія **дрожжи** <...> [Отечественные записки, 1859, № 11, с. 156]; г) занимающих низкое положение в профессиональной группе (*дрожжи пиущего мира*, см.: [Москвитянин, 1853, № 3, ч. 1, с. 4]). Указанная семантика фиксируется в «Российско-греческом словаре» И. Синайского, где приводятся отдельные переводы для слов *дрожидии* и *дрожжи, поддонки общества, послѣдніе люди* (см.: [Синайский, с. 150]). Регулярность употребления при обозначении социальных групп и их членов свидетельствует о формировании к 50–60-м гг. переносного значения ‘люди, занимающие низкое место в социальной иерархии’.

2. Зона синкреты, связанная с признаками ‘брожения’, ‘движения вверх’, активно развивается с 60-х гг.⁵ В образных контекстах **дрожжи** имеют семантику ‘люди, публичная деятельность которых вызывает неодобрение’: *Вся люди въка, вздутые, пузырьные и бурчащие какъ пѣна, словомъ, дрожжи, подняшіеся наверхъ, кричали разсыбно: браво, браво, удивительно!..* [Вельтман, с. 35]. Слово сохраняет «единство противоположностей» относительно оценки, которым обладала синкрета. Поэтому употребление слова может сопровождаться положительными коннотациями при образном обозначении физических или психологических ресурсов человека: *Въ то время онъ былъ впечатлителенъ <...> но дрожжи и тотъ живчикъ, который подталкиваетъ людей (у всякаго человѣка есть свои дрожжи и свой живчикъ) были у него хорошіе.* [Авдеев, с. 43]. Положительная оценка связана также с развитием лексической системы. Сформировались синонимические отношения со словами *квас, закваска*, которые ранее были невозможны из-за несвободы слова от контекста. Слово *квас* в Священном Писании употреблялось как в положительном смысле как (в качестве) символа Царства Божия (Мф. 13:24): *ц(ѣса)р(ѣ)с(тв)ѣе б(о)жие подобно есть квасу* [Сл 2006, т. 2, с. 19], так и в отрицательном, символизируя ошибочные духовно-нравственные убеждения (*блудите са отъ кваса фарисейска* (Там же), [Цейтлин 1994, с. 283]).

В результате развития системы понятий и лексической системы реализация положительной или отрицательной оценки стала зависеть от культурно-идеологической позиции автора [20]. С 60-х гг. в социально-политическом значении ‘люди, деятельность или убеждения которых вызывают общественные из-

менения’ слово **дрожжи** употребляется при обозначении сторонников социально-политических реформ, участников польского восстания и т.д., слово **дрожжи** широко употребляется в публицистике как с положительной, так и с отрицательной оценкой: *<Чацкий> не былъ на столько старъ, чтобъ находить удовольствіе въ ворчливомъ будированіи <...>. Въ этомъ характеръ безпокойнаго фермента, бродающихъ дрожжей, вся сущность его.* [Герцен, с. 151]. На основе обозначения той или иной социальной группы формировалась метонимическая семантика ‘идеи или убеждения, вызывающие общественные изменения’: *Приливъ эмигрантовъ изъ-за границы и политическихъ преступниковъ изъ мѣстъ ссылки влить въ среду, и безъ того взволнованную, свѣжія дрожжи, которые усиливали начавшееся брожение.* [Райковский, с. 149]. Значение слова развивалось в направлении эмансипации от человека и его нравственного мира в сторону обозначения отвлеченных идей различного свойства, их воздействия на общество.

В 70–80-е гг. формируется семантика ‘основы движения в том или ином направлении’. Примеры употребления охватывают широкий круг явлений: социально-политические, исторические и др. процессы в связи с усложнением системы понятий, развития научного знания: *Выкупные платежи послужили дрожжами для закваски различныхъ кредитныхъ учреждений <...>* [Отечественные Записки, 1880, № 2, с. 153]. *Страхов, Н.И. – философ славянофильской школы, на нѣмцахъ вскормленный, какъ и самое славянофильство, впрочемъ, которое запарилось, взбродило и выпеклось на дрожжахъ нѣмецкой философи <...>* [Михневич, с. 211]. Универсальность семантики связана с изначально неспециализированным характером. Значение в приведенных контекстах имеет абстрактный и образный характер (слова *квашня, закваситься, запариться, взбродить, выпечься* формируют развернутые метафоры).

В словарях русского языка XIX в. развитие переносных значений не фиксируется. В Сл 1847 г., по сравнению с лексикографическим описанием XVIII в., слово **дрожидіе** описывается как отдельное с пометой *церк.* [Сл 1847, т. 1, с. 373]. У слова **дрожиди**, имеющего «славянизированный» фонетический облик, выделяется только прямое значение ‘вещество, сгустившееся в вине, пиве, меду или квасе на дне, и производящее или ускоряющее брожение’ (Там же).

Ключевую роль в дальнейшем развитии значения сыграли контексты, в которых противопоставляются различные периоды того или иного процесса: *Никогда пробужденное художество не погибло совершенно на восточныхъ границахъ Ирана: въ нравахъ, въ бытѣ, въ жизни умственной оставался отсадъ прошедшаго времени, дрожжи будущаго просвѣщенія* [Хомяков, с. 280]. Представление о разных временных отрезках лежит в основе разговорного употребления в народной культуре вследствие бытового использования, ср. *дай всякому делу перебродить на своихъ дрожжахъ* [Пословицы, т. 1, с. 98]; *про старые дрожжи не говорятъ трожди* (Там же, с. 358). Синкрета изначально допускала развитие временной семантики; ее формировали представления о противоположных процессах, один из которых невозможен без завершения другого.

⁵ В начале XIX в. слово употреблялось только в книжных метафорах в случае метафоризации признака ‘брожения’: *Иныя сѣмена пропадаютъ, а сіи дадутъ плодъ обильный <...> Во весь составъ вливаемъ дрожжи: какъ учеть бродить, по краткости нашего въка мы всего не увидимъ* [Воронцов, с. 292].

Представление о различных процессах делает возможным употребление слова **дрожжи** в контекстах историософского характера в значении 'основа движения в том или ином направлении': <...> *евреи – тот самый народ, который принес нам идею о единомъ Богъ <...> они – тѣ сыны старыхъ пророковъ <...> которыхъ мы считаемъ въ числѣ и нашихъ пророковъ, – люди ввообще способствовавшие образованію эссенціи нашихъ идей и дрожжей нашей жизни* [Вейнберг, с. 14]. Этому способствует образный и одновременно отвлеченный характер семантики, так как в отечественной традиции метафоричность является «сущностным свойством религиозно-философского текста, создающим его функционально-стилистическое своеобразие» [6, с. 85].

* * *

Двойственный характер семантики слова **дрожжи** обуславливает его широкую употребительность в публицистических текстах И.С. Аксакова: он способствует одновременно информированию и воздействию на читателя. Также она связана с историософским характером значения, его употреблением в текстах Священного Писания и церковных текстах и с метафорой «организм-государство», т.е. последовательным уподоблением социально-политических процессов органическим⁶. Случай употребления И.С. Аксаковым слова **дрожжи** можно разделить на две группы на основе актуализации того или иного значения:

1. (А) *Можно себя представить, каковы были эти отношения польской, не только католической, но и ультрамонтанской, иезуитскими дрожжами проквашенной шляхты къ быдлу русскому и православному!* [Аксаков, т. 1, с. 467]. (Б) <...> *независимо отъ той религиозной нетерпимости, которою отличается латинство <...> польское, проквашенное насковозъ дрожжами иезуитизма, – именно въ латинской религіи и видятъ Поляки существенный оплотъ польской національности <...>* (Там же с. 485). (В) *Если бы даже <...> удалось <...> «державамъ» кое-какъ зачинить <...> ризу Берлинскаго трактата, разъединить вновь Болгарское Княжество съ Румеліей, заставить Болгарію, Грецію и Сербію вложить мечъ въ ножны и распустить свои, <...> войска; если бы державы успѣли <...> не вынимая дрожжей изъ сосуда, запретить имъ бродить и такимъ образомъ упразднить <...> «осложненіе» политическаго status quo на Балканскомъ полуостровѣ <...>* (Там же, с. 661).

В контексте В слово имеет семантику 'основа движения в том или ином направлении'. Использование слова **дрожжи** в данном значении для описания политических процессов является типичным для XIX в. В контекстах А, Б **дрожжи** употребляются в значении 'религиозная основа социально-политических процессов'. Историческое оно связано с использованием слов **дрожжи**, **квас** и др. при описании явлений религиозно-нравственной сферы, оценки деятельности участников польского восстания 1863 г. (см. выше). На него также повлияло значение 'неспособности к нравственному очищению', обнаруженное у

слова в Синодальном переводе Священного Писания, вышедшего в 1876 г.: *И будет в то время: Я со светильником осмотрю Иерусалим и накажу тех, которые сидят на дрожжах своих и говорят в сердце своем: «не делает Господь ни добра, ни зла»* (Соф 1:12). Новаторство Аксакова проявляется в использовании слова для вербализации мысли о религиозно-нравственных причинах социально-политического положения западных губерний России. Это обуславливает актуализацию элементов символического значения, так как рассматриваемое слово и его синонимы уже в старорусскую эпоху могли одновременно выражать нравственную оценку и описывать социально-политические явления.

2. (Г) <...> *Исторія челоувѣчества въ смыслѣ христіанскомъ опредѣляется изрѣченіями <...> «подобно есть царствіе Божіе квасу», т.е. дрожжамъ, которыми заквашено тѣсто – «дондеже вскиснетъ». <...> указывается на предопределенный процессъ созиданія царства Божія въ челоувѣчествѣ* [Аксаков, т. 1, с. 678]. (Д) *«Подобно царствіе Божіе – квасу» – сказали Спаситель, и данный Имъ Новый Завѣтъ, это – въ смыслѣ всемірно-историческомъ – тѣ дрожжи, на которыхъ Христосъ заквасилъ всю дальнѣйшую судьбу челоувѣчества. Вся исторія челоувѣчества – есть исторія этого броженія брошенной въ міръ истины Христовой, и не изниметъ оно изъ себя этого кваса, пока онъ не перебродитъ!* (Там же, т. 4, с. 191). (Е) *Но иное дѣло – общежитіе челоувѣческое. Здѣсь есть полное мѣсто развитію, т.е. процессу постепеннаго видоизмѣненія самага общественнаго строя согласно съ требованіями христіанской истины, – постепеннаго перерожденія формъ и условій нашей общественной жизни подъ воздѣйствіемъ началъ, данныхъ міру Божественнымъ Откровеніемъ. Это тотъ «квасъ» <...> тѣ дрожжи, на которыхъ заквашена <...> вся историческая судьба челоувѣчества.* (Там же, т. 2, с. 733). (Ж) *Вся пучина челоувѣческаго духа <...> должна, въ послѣдовательномъ историческомъ ходѣ жизни челоувѣчества, воплотиться въ безпредѣльномъ разнообразіи явленій, вся исчерпаться до дна, вся пройти чрезъ эти дрожжи, перебродить въ этомъ квасѣ, – пока <...> придетъ въ мѣру возраста исполненія Христа* (Там же, т. 4, с. 349). (З) *Въ то же время, параллельно съ <...> возможностью совершенствованія и спасенія, совершается воздѣйствіе христіанской истины на историческую судьбу и бытовое развитіе всего челоувѣчества, медленный процессъ броженія, перерожденія, переобразования на дрожжахъ, брошенныхъ въ міръ Христомъ* (Там же, с. 350). (И) *Повторяю вамъ опять: надо постоянно помнить, что каждый челоувѣкъ принадлежитъ и вѣчности и въ то же время и своему вѣку; что <...> совершается міровой процессъ броженія и перерожденія міра на дрожжахъ, брошенныхъ въ міръ Христомъ* (Там же, с. 355).

В контекстах второй группы слово **дрожжи** приобретает контекстуальную семантику 'христианская истина как основа, определяющая направление жизни человека и хода истории'. В славянофильском понимании она является более отвлеченной, так как «христианская истина» представляется общей относительно представления о частных «причинах»; по их мысли

⁶ См.: [14].

духовное начало направляет различные процессы в мироздании [9, с. 158]. Данная идея формировалась на протяжении XIX столетия, начиная с П.Я. Чаадаева, который «понимает христианство не только и не столько как систему идей, но как важнейшую реальную силу, управляющую движением истории» [4, с. 71]. Лексическое окружение слова *дрожжи* в контекстах второй группы включает философскую отвлеченную, общелогическую лексику, терминологию, слова религиозно-обрядового содержания, перифразистические цитаты и метафоры, восходящие к Новому Завету. По сравнению с контекстами первой группы, отсутствуют разговорные слова, что указывает на отвлеченный характер. При наличии синонимических связей между словами *квас*, *закваска*, *дрожжи* в контекстах второй группы наблюдается актуализация не отдельных элементов древнего символического значения, как в примерах первой, а всей синкреты слова *квас* ('Царство Божие').

Выводы

Наличие у слова синкретического значения, которое было актуализировано И.С. Аксаковым в его публицистике на фоне словоупотреблений XIX в. доказывает то, что у слова в Новое время сформировались переносные значения.

В словоупотреблении И.С. Аксакова *дрожжи* приобретают семантическую структуру, «изоморфную» синкретической семантике древнего слова. Оно совмещает в себе образный и понятийный характер, компоненты, связанные с религиозно-нравственной и социально-политической сферами, являясь примером синтеза религиозной и светской культур на уровне значения. Этому способствовала разработка семантики слова в литературной традиции XIX в.

Совмещение в семантике слова его «прошлого» и «настоящего» создавало предпосылки для его смыслового обогащения, приобретения им символической природы, нуждавшейся в философском истолковании. Описанное религиозно-философское содержание слова *дрожжи*, сформировавшееся в словоупотреблении И.С. Аксакова, реализуется у авторов символистского толка рубежа XIX–XX столетий (Д.С. Мережковского, А. Белого) в историсофских контекстах. Перспективным направлением в истории русского литературного языка могло бы быть исследование связей между словоупотреблением славянофилов и писателей данного круга.

Литература

1. Бельчиков, Ю. А. Общественно-политическая лексика В. Г. Белинского / Ю. А. Бельчиков. – Москва : Издательство МГУ, 1962. – 132 с.
2. Валицкий, А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства / Анжей Валицкий ; перевод с польского К. Душенко. – Москва : Новое литературное обозрение, 2019. – 704 с.
3. Волков, А. А. Теория риторической аргументации / А. А. Волков. – Москва : Издательство МГУ, 2009. – 398 с.
4. Евлампиев, И. И. История русской метафизики в XIX–XX веках. Русская философия в поисках Абсолюта / И. И. Евлампиев. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : Издательство РХГА, 2020. – 920 с.
5. Ковтун, Л. С. О неясных семантических изменениях / Л. С. Ковтун // Вопросы языкознания. – 1971. – № 5. – С. 81–93.

6. Козловская, Н. В. Авторский философский термин как объект лингвистического описания / Н. В. Козловская // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2018. – № 2. – С. 84–90.

7. Колесов, В. В. Древнерусский литературный язык / В. В. Колесов. – Ленинград : ЛГУ, 1989. – 294 с.

8. Колесов, В. В. Слово и дело: Из истории русских слов / В. В. Колесов. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2004. – 703 с.

9. Колесов, В. В. Русская ментальность в языке и тексте / В. В. Колесов. – Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2007. – 624 с.

10. Ларин, Б. А. Об архаике в семантической структуре слова / Б. А. Ларин // Из истории слов и словарей. Очерки по лексикологии и лексикографии. – Ленинград : ЛГУ, 1963. – С. 78–89.

11. Лотман, Ю. М. Феномен культуры / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 томах. – Таллин : Александра, 1992. – Т. 1. – С. 34–45.

12. Лотман, Ю. М. Проблема знака и знаковой системы и типология русской культуры XI–XIX веков / Ю. М. Лотман // Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи, исследования, заметки. – Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2010. – С. 400–402.

13. Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман // Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи, исследования, заметки. – Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2010. – С. 150–390.

14. Секиро, О. О. И. С. Аксаков (медиаперсона) / О. О. Секиро // Русский язык в медиапространстве XIX в. : электронный ресурс. ИЛИ РАН. – URL: www.media19.ru (дата обращения: 15.10.2023). – Текст : электронный.

15. Сорокин, Ю. С. Белинский и русский литературный язык / Ю. С. Сорокин // Известия АН СССР. Отделение Литературы и языка. – Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1948. – Т. VII, вып. 5. – С. 383–400.

16. Сорокин, Ю. С. Естественно-научная лексика в публицистике Д. И. Писарева / Ю. С. Сорокин // Ученые записки ЛГУ. Серия филологических наук. – Ленинград, 1949. – № 122. – С. 137–183.

17. Старовойтова, О. А. К вопросу о роли языковой личности в становлении метаязыка описания межнациональных отношений в России XIX века (Часть 1. И. С. Аксаков) / О. А. Старовойтова. – DOI 0000-0002-3645-8203 // Славянская историческая лексикология и лексикография. – Санкт-Петербург : ИЛИ РАН, 2020. – Вып. 3. – С. 304–323.

18. Тесля, А. А. Последний из «отцов»: Биография И. С. Аксакова / А. А. Тесля. – Москва : Владимир Даль, 2015. – 799 с.

19. Толкование на псалмы (Афанасий Великий св.). – Москва : Благовест, 2011. – 527 с.

20. Успенский, Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.) / Б. А. Успенский. – Москва : Гнозис, 1994. – 240 с.

21. Чапаева, Л. Г. Культурно-языковая ситуация 30–40-х годов XIX в. и споры славянофилов и западников / Л. Г. Чапаева // Культурология. – 2008. – № 2 (45). – С. 25–33.

Источники

1. Аввакум прот. Челобитная протопопа Аввакума царю Алексею Михайловичу // Патриарх Никон – Протопоп Аввакум : сборник / составитель В. А. Десятников. – Москва : Новатор, 1997. – 416 с.
2. Авдеев, М. В. Меж двух огней : роман в 3 частях / М. В. Авдеев. – Санкт-Петербург, 1869. – 539 с.
3. Аксаков, И. С. Собрание Сочинений : в 7 томах. – Москва : Тип. М. Г. Волчанинова, 1886–1887.
4. Булгарин, Ф. В. Победа от обеда. Очерки нравов XVIII в. / Ф. В. Булгарин // Сто русских литераторов : в 3 томах. – Санкт-Петербург, 1841. – Т. 2. – С. 133–350.

5. Вейнберг, П. Римское гетто. Из воспоминаний Э. Кастеляра / П. Вейнберг // Еврейская библиотека. Историко-литературный сборник : в 10 томах. – Санкт-Петербург, 1878. – Т. VI. – С. 1–14.

6. Вельтман, А. Ф. Приключения, почерпнутые из моря житейского. Саломея / А. Ф. Вельтман. – Москва, 1864.

7. Воронцов, С. Р. Письмо к графу Александру Романовичу. Письмо 215 (20 декабря 1804 г.) / С. Р. Воронцов // Архив князей Воронцовых, 1870–1895 : в 40 томах : Москва, 1877. – Кн. 12. – С. 292–293.

8. Герцен, А. И. Былое и думы (1867–1868) / А. И. Герцен // Полярная звезда на 1869 г. Кн. 8. Geneve, Vale, 1868.

9. Державин, Г. Р. Стихотворения / Г. Р. Державин ; под редакцией Д. Д. Благого, В. А. Западава. – Ленинград, 1957. – 468 с.

10. Михневич, В. О. Наши знакомые: фельетонный словарь современников / В. О. Михневич. – Санкт-Петербург, 1884. – Вып. 1.

11. Москвитянин. – Москва, 1848. – № 3, ч. 2.

12. Москвитянин. – Москва, 1853. – № 3, ч. 1.

13. Надеждин, А. История Санкт-Петербургской православной духовной семинарии / А. Надеждин. – Санкт-Петербург, 1885.

14. Отечественные записки. – Санкт-Петербург, 1880. – № 2.

15. Отечественные записки. – Санкт-Петербург, 1859. – № 11.

16. Райковский, С. А. Польская молодежь Западного края в мятеже 1861–1863 гг. / С. А. Райковский. – Москва, 1869.

17. Хомяков, А. С. Полное собрание сочинений : в 4 томах / А. С. Хомяков. – Москва : Тип. П. Бахметева, 1861–1873.

Словари

БАС¹ – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – Москва ; Ленинград : АН СССР, 1948–1965.

БАС² – Большой академический словарь: в 27 т. – Санкт-Петербург : ИЛИ РАН, 2004. (издание продолжается)

Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4 / В. И. Даль. – Москва, 1863–1866.

Пословицы – Даль, В. И. Пословицы русского народа: в 2 т. / В. И. Даль. – Москва, 1989.

САР¹ – Словарь Академии Российской: в 6 т. – Санкт-Петербург, 1789–1794.

Синайский 1846 – Синайский, И. Российско-греческий словарь / И. Синайский. – Москва, 1846.

Сл 1847 – Словарь церковнославянского и русского языка: в 4 т. – Санкт-Петербург, 1847.

Сл 2006 – Словарь старославянского языка: в 4 т. Ре-принт с издания Чешской Академии наук (1966–1997). – Санкт-Петербург, 2006.

Сл XI–XIV – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 12 т. / АН СССР. – Москва, 1988–2019 (изд. продолжается)

Сл XI–XVII – Словарь древнерусского языка XI–XVII вв.) / АН СССР, Институт русского языка. 30 вып. – Москва, 1975–2015. (изд. продолжается)

Срезневский – Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным источникам : в 3 т. / И. И. Срезневский. – Санкт-Петербург, 1988–2019.

СРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века / Институт лингвистических исследований РАН, вып. 22. – Санкт-Петербург, 1984–2019. (издание продолжается)

Ушаков – Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – Москва, 1935–1940.

Цейтлин 1994 – Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.) Ок. 10000 сл. / ред.: Р. М. Цейтлин, Р. Вечерка, Э. Благова. – Москва, 1994.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Рос. Акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. Вып. 1–41. – Москва, 1974–2018. (издание продолжается)

O.O. Sekiro

HISTORY OF A WORD IN THE FOCUS OF AUTHOR'S WORD USAGE: *ДРОЖЖИ (LEAVEN) IN I.S. AKSAKOV'S JOURNALISM*

The article tells about the wide historical context of the word *дрожжи (leaven)* and its semantic development from the ancient Russian times till the 19th century. It deals with the semantic features formed in the pre-Peter epoch and actualized by Ivan S. Aksakov in his journalism.

The Russian language of the 19th century, the 19th century journalism, historical lexicology, Ivan S. Aksakov, *дрожжи (leaven)*.